
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 36—59.

Woman in Russian Society. 2022. No. 3. P. 36—59.

Научная статья

УДК 001(091)(470+571)

DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.3

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ ДИСКУРСОВ ИХ ПРЕДМЕТНЫХ ПОЛЕЙ (По материалам анализа word-nets и word-clouds)

Марина Александровна Кашина¹, Сергей Ткач^{2,3}

¹ Северо-Западный институт управления — филиал,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург, Россия, kashina-ma@ranepa.ru

² Региональная общественная организация социальных проектов в сфере благополучия
населения «Стеллит», г. Санкт-Петербург, Россия

³ Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Гендерные исследования — новая, активно развивающаяся междисциплинарная область российского социогуманитарного знания. Есть достаточно много обзорных статей, посвященных отдельным направлениям гендерных исследований. Однако работ, анализирующих характер и траекторию развития этих исследований с учетом исторического контекста и динамики дискурсов их предметных полей, пока нет. Основной гипотезой данной работы выступает предположение о том, что развитие дискурсов российских гендерных исследований может быть описано как движение вширь. Концепт гендера еще не исчерпал своего объяснительного потенциала применительно к российской действительности. Выборку составили 1716 заголовков научных статей российских гендерных исследовательниц, опубликованных в период с начала 1990-х по 2021 г. Методами являлись цифровые (машинные) технологии анализа естественного языка, в частности функция bigrams библиотеки NLTK, качественный анализ текстов. Сделан вывод о том, что в развитии российских гендерных исследований существуют два тренда: 1) женские исследования уступают в популярности гендерным в нулевые годы, но снова обретают ее в десятые; 2) точками кристаллизации на институциональном этапе развития гендерных исследований выступают сначала дисциплинарные термины («антропологический», «педагогический», «социологический», «психологический» и т. д.), а затем общегуманитарные («связь», «движение», «современный» и т. п.). Это свидетельствует об определенном размывании предметного поля гендерных исследований, стремлении исследователей уйти от политической повестки гендерного

неравенства в более нейтральные темы социальной работы, семьи, родительства, психологического благополучия. Одна из причин этого — давление внешнего контура, требующего как постоянной легитимации термина «гендер», так и доказательства его нужности для анализа российской действительности.

Ключевые слова: социогуманитарное знание, лингвистический поворот в науке, «нормальная» наука, биграмма, технологии анализа естественного языка, mixed методы

Для цитирования: Кашина М. А., Ткач С. История развития гендерных исследований в России через анализ дискурсов их предметных полей: (по материалам анализа word-nets и word-clouds) // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 36—59.

Original article

HISTORY OF THE EVOLUTION OF GENDER STUDIES IN RUSSIA THROUGH THE ANALYSIS OF DISCOURSES OF THEIR SUBJECT FIELDS (Based on the analysis of word-nets and word-clouds)

Marina A. Kashina¹, Sergey Tkach^{2, 3}

¹ North-West Institute of Management — Branch,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
St. Petersburg, Russian Federation, kashina-ma@ranepa.ru

² Regional public organization of social projects in the field of welfare
of the population “Stellit”, St. Petersburg, Russian Federation

³ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. Gender studies are a new expanding interdisciplinary area of Russian socio-humanitarian thought. There are many review articles that describe certain areas of gender studies. However, there are still no works in which the nature and direction of the evolution of gender studies, considering the dynamics of the discourses of their subject fields, are analyzed. The main hypothesis of this study: the trajectory of the development of the discourses of Russian gender studies can be described as a tendency to expand in breadth. The concept of gender has not yet exhausted its explanatory potential in relation to Russian reality. Sample: 1716 titles of scientific articles by Russian gender researchers published between the early 1990s and 2021. Methods: digital (machine) technologies for natural language analysis, namely the bigrams function of the NLTK library, qualitative text analysis. Results. There are two trends in the development of Russian gender studies: 1) women’s studies are inferior in popularity to gender studies at the turn of the century, but regain it in the 2010s; 2) crystallization points at the institutional stage of development of gender studies are: at first disciplinary terms (“anthropological”, “pedagogical”, “sociological”, “psychological”, etc.), and then — general humanitarian ones (“communication”, “movement”, “modern”, etc.). This indicates a certain blurring of the subject field of gender studies. There is the desire of researchers to move away from the political agenda of gender inequality to more neutral topics, for example, social work, family, parenthood, and psychological well-being. One of the reasons for this is the pressure of the external circuit, which requires both the constant legitimization of the term “gender” and the proof of its need for the analysis of Russian reality.

Key words: socio-humanitarian knowledge, linguistic turn in science, “normal” science, bigram, natural language analysis technologies, mixed methods

For citation: Kashina, M. A., Tkach, S. (2022) Istorii razvitiia gendernykh issledovaniĭ v Rossii cherez analiz diskursov ikh predmetnykh poleĭ: (Po materialam analiza word-nets i word-clouds) [History of the evolution of gender studies in Russia through the analysis of discourses of their subject fields: (Based on the analysis of word-nets and word-clouds)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 36—59.

Введение

Гендерные исследования выступают новой междисциплинарной областью отечественного социогуманитарного знания. В определенном смысле это уникальное явление, поскольку другие междисциплинарные области, например конфликтология, не сопоставимы с гендерными исследованиями ни по широте изучаемой проблематики, ни по разнообразию используемых методов. В силу этого весьма актуальным является анализ истории и перспектив развития данной сферы научного знания.

В литературе описываются две альтернативные стратегии развития науки. Первая предполагает, что ядро научной теории неприкасаемо и неизменно. Однажды установленное, это ядро (в виде множества базовых категорий) используется в дальнейшем для описания изменяющейся социальной реальности. Хорошим примером такой стратегии может выступать исторический материализм в советском общественном знании. Базовые марксистские категории класса, диалектических отношений, конфликта не ставились под сомнение и воспроизводились в одних и тех же выражениях из одного исследования в другое [Безансон, 1998]. Вторая стратегия состоит в том, что постоянно происходит пересмотр теоретического ядра, аксиомы, предложенные предшественниками модели оспариваются и выдвигаются новые, более подходящие, а соответственно и новые научные категории. Примером может служить политическая социология, в которой постоянно появляются новые понятия, опровергающие предыдущие: институты сменяются фигурациями, затем габитусами, потом акторно-сетевым состоянием, ассамбляжем и т. д.

На самом деле обе эти стратегии могут быть одновременно вписаны в концепцию «научных революций» Т. Куна. Если господствующая парадигма (теоретическое ядро) не подвергается сомнению, то перед нами «нормальная» наука, если она оспаривается, то речь идет о кризисе и создании новой парадигмы, т. е. «экстраординарной» науке.

В данной статье мы хотим проанализировать историю развития отечественных гендерных исследований, чтобы разобраться, в каком из двух рассмотренных состояний они находятся. При этом мы будем опираться на дискурсивное понимание науки и использовать в качестве основного метода цифровые (машинные) технологии анализа естественного языка.

Само дискурсивное понимание науки возникает как следствие лингвистического поворота в социальных науках [The Linguistic Turn, 1967]. Это приводит к появлению новых методов социологического анализа научной деятельности,

при использовании которых предполагается, что она вся сводится к тексту. В качестве иллюстрации лингвистического поворота можно привести археологию знания М. Фуко и ее трактование систем научных практик, в котором «они [системы практик] не столько строго определяют мысль, сознание или совокупность репрезентаций, которые были бы задним числом и напрасно вписаны в дискурс, сколько устанавливают определенные уровни дискурса и правила, входящие в качестве единичных практик» [Foucault, 2002: 85].

Другим примером лингвистического поворота выступают работы о языке науки — именно в таком виде этот поворот в социологии науки приобрел популярность у отечественных авторов. Так, М. В. Попович редуцирует определение науки до языка, системы высказываний, «в которой осуществляется приобретение, хранение, преобразование и передача сообщений (информации, знаний) в коллективах людей» [Попович, 1966: 129].

При этом дискурс появляется и развивается в рамках определенного предметного поля научного знания. Например, социально-гуманитарное знание делится на политологию, социологию, историю, психологию и др., поэтому в нашем исследовании мы будем концептуализировать гендерные исследования как научный дискурс различных предметных полей.

Очень важно принимать во внимание исторический контекст, потому что на разных этапах новейшей истории России внешний контур науки (П. Бурдьё) по-разному влиял на формирование и развитие дискурсов предметных полей гендерных исследований.

Существует множество вариантов периодизации современной истории России. Наиболее релевантной нашим задачам является периодизация С. Гуриева, поскольку выделяемые им периоды и события, характеризующие их начало, коррелируют с событиями, свидетельствующими об изменении гендерной повестки в политике государства. Данная периодизация включает три этапа: первый — с позднесоветского периода середины 1980-х по 2000 г.; второй — с 2000 по 2011 г.; третий — с 2012 г. по настоящее время (2021 г.) [Guriev, Zhuravskaya, 2010].

О трансформации общественной жизни в 2000 г. говорил, например, Ю. А. Левада. На это же указывает и зарубежный исследователь Р. Burnell, называя 2000 год водоразделом применения программ «democracy promoting» в России [Burnell, 2008]. От попыток прямого политического влияния других стран на Россию в 2000 г. совершается переход к концепции «мягкой силы», реализующейся в числе прочего в организации исследовательских и культурных программ. В этот период происходит активное зарубежное финансирование различных проектов, связанных с гендерными исследованиями, а также осуществляется перевод и издание зарубежной литературы о гендере. Ярким примером является двухтомник «Введение в гендерные исследования», изданный в рамках проекта Харьковского центра гендерных исследований «Университетская сеть по гендерным исследованиям для стран бывшего СССР» [Введение... , 2001].

2011 год В. Э. Абелинскийте называет трансформационным для российского политического поля: изменение касается ценностных ориентаций власти и ее отношения к допустимому отклонению от этих ориентаций. Во многом

эскалация нетерпимости к таким отклонениям оказывается, как отмечает политолог, следствием страхов, порожденных кризисом представительства законодательной власти в 2011 г., который проявил себя в результатах выборов в Государственную думу и в последовавших за ними протестах [Абелинскийте, 2016]. На январь 2012 г. было назначено второе чтение законопроекта Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин». Он был внесен в Государственную думу РФ группой депутатов во главе с Екатериной Лаховой и принят в первом чтении еще 16 апреля 2003 г. Против второго чтения законопроекта выступили родительские общественные организации, главным образом православные. Они направили спикеру Государственной думы РФ С. Е. Нарышкину открытое письмо с просьбой не рассматривать данный законопроект, поскольку он противоречит традиционным семейным ценностям. Их просьба была удовлетворена, второе чтение отложено, а сам документ отправлен в регионы на доработку. 11 июля 2018 г. этот законопроект, так и не пройдя второе чтение, был отклонен Государственной думой как устаревший. «За» проголосовали 340 депутатов, «против» — 12, воздержавшихся не было [Система обеспечения...].

Третий исторический этап в нашем исследовании заканчивается 2021 г. просто по техническим причинам, в выборке анализируемых статей нет публикаций 2022 г. Но, как показывают последние события, он действительно завершился.

Другими словами, в данном исследовании мы будем рассматривать периодизацию политической истории современной России как внешнюю рамку периодизации развития самих гендерных исследований, акцентируя тем самым влияние на них внешнего контура науки. Основанием для подобного допущения выступает включенность гендерных проблем в политический дискурс российской власти, особенно в части демографической политики.

Литературный обзор

Анализ обзорных статей, посвященных гендерным исследованиям в России, свидетельствует, что их авторы не ставят перед собой в качестве специальной задачи анализ дискурсов отдельных предметных полей. При этом сами направления исследований могут выделяться не по концептуальным признакам, а, например, по географическим [Хоткина, 2020]. Возможно, в таком подходе видны отголоски этапа становления гендерных исследований в России, «когда приказом Государственного комитета по высшей школе № 671 от 06.07.1994 г. была открыта межвузовская научно-исследовательская программа “Женщины России: проблемы адаптации и развития в новых социально-экономических условиях” с головной организацией — Ивановским государственным университетом», которая объединила исследовательские центры 15 вузов России [Хасбулатова, 2001: 4]. Вузы, получив финансирование, стали проводить гендерные исследования в соответствии с государственной программой, а предметные поля нашли прописку в вузах.

Имеющиеся обзоры гендерных исследований чаще всего представляют собой реферативное изложение наиболее значимых статей в той или иной предметной области с перечислением имен их авторов. Яркими примерами таких обзоров являются работы Т. Б. Котловой и Т. Б. Рябовой по проблемам гендерных стереотипов [Котлова, Рябова, 2001], О. Г. Овчаровой и Т. Б. Рябовой по гендерной

политологии [Рябова, Овчарова, 2016] и И. С. Клециной по исследованиям гендерных отношений в психологии и социологии [Клецина, 2013].

Есть немало статей, посвященных проблемам развития отдельных направлений гендерных исследований — гендерной истории [Пушкарева, 2002], гендерной социологии [Здравомыслова, Темкина, 2000], гендерной политологии [Айвазова, 2002], гендерной педагогике [Штылева, 2014]. В них авторы в первую очередь анализируют барьеры, стоящие на пути признания гендерных исследований академическим мейнстримом. Эти барьеры могут быть связаны как с внешним, так и с внутренним контуром науки [Бурдьё, 2005]. Примером анализа внешнего контура гендерных исследований является статья Н. Л. Пушкаревой, а внутреннего — Л. В. Штылевой. Работы по изучению проблем внутреннего контура получили обобщающее название псевдогендерных исследований. Это исследования, в которых концепт гендера используется неаутентично, т. е. с эссенциалистских, а не с социально-конструктивистских позиций. Неаутентичность эссенциализма как объяснительной концепции связана в первую очередь с тем, что при таком подходе утрачивается критическая и практико-преобразовательная функция гендерных исследований и в конечном счете их научная актуальность.

При этом многими авторами высказываются интересные соображения об особенностях этапа становления гендерных исследований в России в конце 1990-х — их «невидимости» академическим сообществом, сильном влиянии финансирования западных фондов, что сделало эти исследования более практико-ориентированными, чем теоретико-методологическими [Рябова, Овчарова, 2016].

Разные ученые выделяют разные этапы в развитии российских гендерных исследований. Так, З. А. Хоткина называет три этапа: «1. Становление и институционализация гендерных исследований в России. <...> 2. Вписывание гендерных исследований в российский контекст через осмысление и анализ российского материала и проблем. Этап пришелся на первое десятилетие XXI в. (2000—2009 гг.) и условно может быть обозначен как период перехода количества в качество. 3. Развитие гендера в цифровую эпоху. Этап связан с продолжением российских гендерных исследований в условиях цифровизации и появления сетевого общества как главных вызовов последнего десятилетия XXI в. (2010—2020 гг.)» [Хоткина, 2020: 29]. О. Г. Овчарова и Т. Б. Рябова выделяют только два этапа в развитии гендерной политологии — доинституциональный и институциональный, связанный с появлением гендерной секции Российской ассоциации политической науки в 1998 г. [Рябова, Овчарова, 2016: 7]. Сходной позиции придерживается И. С. Клецина. Она полагает, что на первом этапе исследования гендерных отношений в социологии и психологии «обсуждались отдельные темы, каким-либо образом связанные с гендерными отношениями...». На втором этапе, который начался с 2000-х гг., появились работы, раскрывающие сущность и формы проявления этого феномена на различных уровнях социальной реальности [Клецина, 2013: 4]. При этом она отмечает, что в последнее время (т. е. в 2010-е) интерес ученых к гендерной проблематике снизился, однако отдельного третьего этапа в истории гендерных исследований в психологии не выделяет. Позиция Л. В. Штылевой более определенная. Говоря о том, что в трудах по гендерной педагогике отражается «гендерный алармизм» российского общества, она пишет: «...предлагаемые технологии поло-дифференцированного образования

и социально-педагогические модели гендерной социализации обучающихся... обращены не в будущее, а в прошлое» [Штылева, 2014: 92]. Другими словами, специалисты по гендерной психологии и педагогике, в отличие от З. А. Хоткиной, не считают, что развитие гендерных исследований в России идет только вперед, и допускают даже определенный регресс.

Представленный выше краткий литературный обзор свидетельствует, что, несмотря на большое количество обзорных статей по российским гендерным исследованиям, тема особенностей дискурсов отдельных предметных полей и их динамики в литературе еще не затрагивалась. Это позволяет сформулировать следующие исследовательские вопросы: какова содержательная траектория развития гендерных исследований с точки зрения используемых учеными научных понятий и категорий, является ли эта траектория одинаковой для разных предметных полей или существуют различия?

Методология

Как уже отмечалось, в качестве основной теоретической рамки нами используется концепция науки как текста (дискурсивное понимание науки). Лингвистический подход в социологии науки предполагает, что в существующем дискурсивном поле позиции агентов дискурса очерчены множеством оригинальных авторских терминов, принадлежащих к определенной предметной области. Как отмечает П. Бурдьё, эти слова выступают маркерами принадлежности к «своим» и «чужим» [Бурдьё, 2005: 480].

Исходя из такого осмысления науки, мы понимаем под маркерами существования дискурса предметного поля характерные словосочетания в заголовках статей ведущих отечественных гендерных исследовательниц.

Цель исследования — провести анализ динамики дискурса предметных полей отечественных гендерных исследований в соответствии с тремя периодами новейшей истории России.

Задачами являются:

- 1) классификация массива данных по предметным полям;
- 2) построение word-nets терминов, используемых гендерными исследовательницами на трех этапах новейшей истории России;
- 3) конструирование word-clouds по отдельным предметным полям и этапам истории гендерных исследований;
- 4) оценка динамики изменения дискурсов, используемых в отдельных предметных полях российских гендерных исследований.

Основной гипотезой выступает предположение о том, что российские гендерные исследования находятся на этапе своего «нормального» развития, поскольку не существует оппонирования теоретическому ядру — социально-конструктивистскому концепту гендера. Характер развития дискурсов российских гендерных исследований может быть описан как движение вширь, идет накопление теоретических данных, которые получают вполне удовлетворительное объяснение в рамках социального конструктивизма. Концепт гендера еще не исчерпал своего объяснительного потенциала [Скотт, 2001] применительно к российской действительности.

Для решения поставленных задач был выбран смешанный дизайн исследования. На первом этапе использовались количественные инструменты наукометрии и проводился анализ научных текстов с помощью методов анализа естественного языка (natural language analysis/processing). На втором — осуществлялся качественный анализ выделенных словосочетаний (биграмм) и полученных графов.

Описание выборочной совокупности. Первым критерием *отбора авторов статей* было участие ученого в значимых академических гендерных проектах. В качестве таких проектов были выбраны журнал «Женщина в российском обществе», индексируемый международной базой данных Scopus (3-й квартиль), и два выпуска сборника статей «Гендер для чайников», которые стали основой гендерного просвещения в России. Выбор участниц именно этих проектов определяется тем, что они во многом формировали и продолжают формировать повестку академических гендерных исследований в России. Кроме того, их деятельность охватывает все три рассматриваемых исторических периода. Вторым критерием включения авторов в выборку стала их «видимость» в научном сообществе, а именно наличие в РИНЦ 50 и более личных публикаций.

В качестве единицы генеральной совокупности выступал заголовок научной статьи. Выбирая заголовок, автор решает как минимум две важные задачи: обозначает предметное поле и показывает свой научный вклад через формулировку главной идеи и/или центрального вопроса исследования. Тем самым заголовок статьи содержит всю значимую для задач данного исследования информацию.

Заголовки статей являются корпусом текстов, которые могут быть представлены в виде множества словосочетаний (биграмм). Анализ частотности использования отдельных слов в заголовках позволяет сделать выводы о тенденциях в развитии научного знания, о том, какая тематика более востребована, какая менее, что составляет исследовательский фронт в тот или иной период.

Однако такой анализ — весьма сложная задача для классических методов контент-анализа больших массивов текстов. Альтернативой может стать обращение к парадигме цифрового анализа естественного языка. Так, представляя все множество словосочетаний, которое составляют тексты заглавий статей в виде word-net (см. рис. 1—3), можно сделать выводы о том, какие слова более востребованы, в каких именно словосочетаниях они употреблены, а какие слова и словосочетания, наоборот, не пользуются популярностью. На графиках word-net легко увидеть, что к одному слову будет вести большее число ребер (связей), чем к другим. Это означает, что с данным словом образовано большее число словосочетаний.

Второй цифровой технологией анализа стало построение word-cloud (см. рис. 4—9). Эта технология позволяет изобразить частотность использования той или иной биграммы через размер шрифта, которым она изображена. Кроме того, word-cloud дает возможность представить на одном рисунке наглядно все или практически все словосочетания (в нашем случае — наиболее популярные), которые использовали исследовательницы в заголовках своих работ.

Создание базы данных для анализа. Сначала была сформирована генеральная совокупность, включающая в себя заголовки всех статей выбранных авторов, размещенных в отечественной реферативной базе e-library. Таких статей оказалось 1716. Далее заголовки были разделены в соответствии с датой

публикации статей на три группы: опубликованные до 2000 г., с 2001 по 2010 г., с 2011 по 2021 г. В первый период вошел 321 заголовок, во второй — 642, в третий — 753.

Тексты заголовков были обработаны для дальнейшего анализа: слова приведены к нижнему регистру; при помощи корпуса слов `corpus stopwords` библиотеки NLTK удалены тензорные и служебные слова. Далее слова были приведены к начальной форме при помощи функции `MorphAnalyzer` библиотеки `rumorphy2`.

Получившийся корпус текстов был разбит на словосочетания при помощи функции `bigrams` библиотеки NLTK. Среди образованных словосочетаний отобраны по 800 *наиболее часто встречающихся* для каждой из трех групп (до 2000 г., до 2011 г., до 2022 г.). Из созданных множеств словосочетаний образованы графы — объекты класса `Graph` библиотеки `network` (по одному графу для каждой из трех групп) (см. рис. 1—3).

На втором этапе исследования полученные данные агрегированы в тематические области, выделенные по основанию предметного поля, к которому эти термины могли бы быть отнесены, и проведен их качественный анализ. С помощью функции `venn3` библиотеки `matplotlib-venn` была построена диаграмма пересечений словосочетаний трех групп, диаграмма Эйлера (см. рис. 10). Затем содержание пересекающихся сегментов анализировалось с целью выделения тенденций развития дискурсов отдельных предметных полей российских гендерных исследований.

Результаты исследования и их анализ

Начнем с анализа полученных `work-nets`.

Поле дискурса гендерных исследований до 2000 г. выглядит большей частью разреженным (рис. 1).

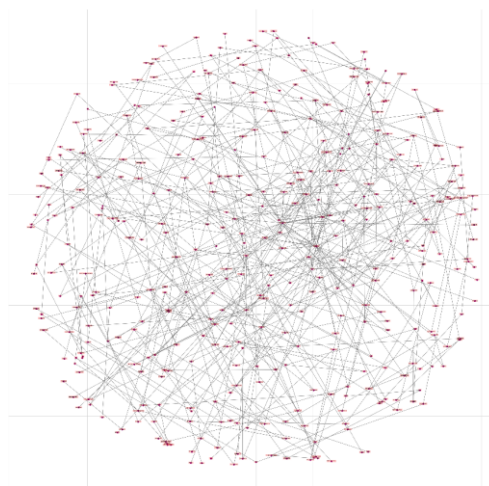

Рис. 1. Сеть биграмм поля гендерных исследований периода до 2000 г.

Выявленные точки агломерации малочисленны. У этого есть несколько причин. Первая из них — это ситуация доинституциональности гендерных исследований, о которой писали О. Г. Овчарова и Т. Б. Рябова [Рябова, Овчарова,

2016]. Институты отсутствовали и как платформы для совместной работы, и как механизмы координации повестки, терминов, тематики. Проще говоря, каждый автор в этот период работала сама по себе. Вторая причина связана с биографиями самих исследовательниц. Для многих ученых из нашей выборки этот период — период профессионального самоопределения и поиска своей области исследовательских интересов, поэтому у них еще нет своего устоявшегося авторского дискурса.

Однако можно выделить и некоторые точки тематической агломерации. В период до 2000 г. такой точкой становится термин «гендерный», однако его популярность несопоставима с популярностью в последующие периоды и с популярностью терминов «женщина» и «женский». Как отмечается другими авторами (С. Г. Айвазова, Т. Б. Рябова и др.), это период развития именно женских исследований. Причем двумя другими точками притяжения оказываются «история» и «российский».

Ориентация на «Россию» и «российские» явления сохраняется и на двух последующих этапах. Этот факт выглядит неожиданным, потому что указание в названии статьи «Россия» подразумевает ее сравнение с другими странами и направленность на международную читательскую аудиторию. Предполагается, что в статье речь должна идти не о некоем феномене вообще, а о феномене именно в России, который ее выделяет, отличает от других стран. Однако большая часть исследуемых статей опубликованы в русскоязычных журналах, издаваемых в России и для русскоязычного читателя. Тем самым прилагательное «российский» в названии становится избыточным, но, судя по всему, крайне необходимым.

Изменения следующего периода связаны с ростом популярности в исследовательской среде категории «гендерный». Другими точками для тематической кристаллизации начинают выступать смежные науки об обществе. Приобретают популярность термины «психологический», «педагогика», «антропология», «культурный». Также видна явная имплементация теорий повседневности и качественной парадигмы в дизайны исследований (термины «практика», «субъектность», «установки» и др.) (рис. 2).

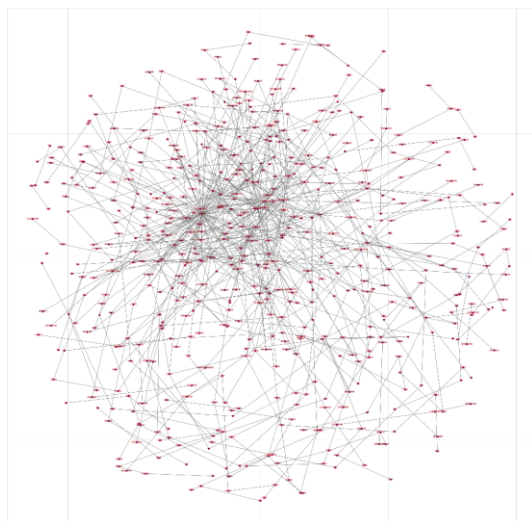

Рис. 2. Сеть биграмм поля гендерных исследований периода с 2001 по 2011 г.

Динамику третьего этапа можно трактовать по-разному. Мы наблюдаем явное увеличение точек агломерации в сравнении с предыдущим этапом (рис. 3). Однако здесь важно акцентировать внимание на содержательной стороне терминов. Возрастает популярность национальной идентификации (терминов «Россия» и «российский»). Появляются категории осмысления гендера в дискурсе власти, например как части семейной политики. Приобретают популярность категории «родительский», «семья», «здоровье», «отношения». Возвращается также популярность категории «женский».

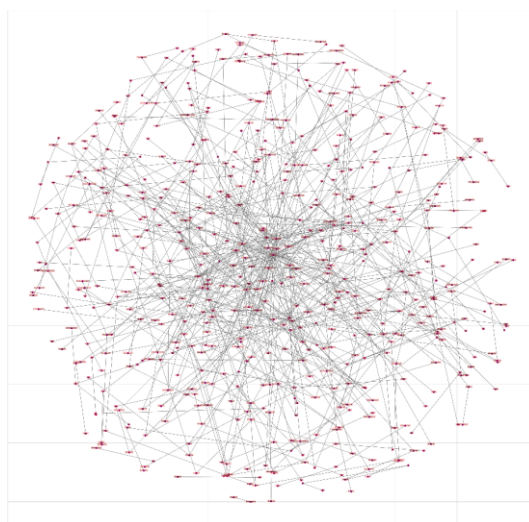

Рис. 3. Сеть биграмм поля гендерных исследований периода с 2012 по 2021 г.

Востребованным становится термин «политика», но при этом размывается его определенность. Появляются «демографическая политика», «социальная», «политика деторождения» и пр. Другие популярные термины оказываются общегуманитарными: «измерение», «процесс», «эффект» и пр.

Тем самым основная гипотеза нашего исследования о том, что развитие дискурсов российских гендерных исследований идет вширь, а не вглубь, подтвердилась. При этом критичного осмысления самого концепта «гендер», например, через использование теории интерсекциональности не происходит. Данный термин встречается за весь анализируемый период всего в двух работах по одному разу, что составляет около одной десятитысячной от общего объема слов.

Иначе говоря, несмотря на общий рост числа публикаций по гендерной тематике, заметного развития самого дискурса в отдельных предметных областях гендерных исследований не происходит. Во всяком случае, если судить по данной выборке статей.

Это хорошо видно и в word-clouds, которые характеризуют частоту использования биграмм в дискурсах предметных полей российских гендерных исследований на протяжении трех периодов их развития*.

* Размер биграммы пропорционален частотности ее употребления относительно других биграмм того же рисунка. Самые большие по размеру биграммы встречаются наиболее

На рисунке 4 представлена динамика распределения биграмм в области методологии гендерных исследований. Верхний сегмент иллюстрирует ситуацию первого периода, когда гендерные исследования в нашей стране только зарождались. Средний сегмент — период с 2001 по 2011 г. Налицо качественный и количественный рост используемой терминологии. Однако в отношении третьего периода — нижний сегмент — этого сказать нельзя. Биграмма «гендерный, исследование» уступает в популярности «гендерный, аспект», уходит «гендерный, субъект» и «гендерный, порядок», появляется «особенность, проявление».

Рис. 4. Распределение биграмм в области гендерной методологии

Примерно те же тенденции можно видеть и в развитии дискурсов предметных полей (рис. 5—9), хотя по некоторым (например, антропологии и этнографии) наблюдается обратное движение, частотных биграмм на третьем этапе становится заметно меньше, чем на первом. В предметном поле гендерной психологии, напротив, частотных биграмм не оказалось на первом этапе, но очень много стало на третьем. Причины подобной ситуации требуют отдельного исследования, возможно даже с привязкой к анализу биографий и научной карьеры отдельных ученых, работающих в этих предметных полях.

часто. На рисунках приведены не все биграммы, а только встретившиеся в выборке названий статей как минимум трижды, поэтому в некоторых предметных областях на первом этапе биграмм мало или вообще нет. Как уже отмечалось, это связано с доинституциональным этапом развития гендерных исследований в России.

На рисунках 5—9 вертикальными линиями отделены три исследуемых периода развития предметного поля. На рисунке 9 выделены только второй и третий периоды гендерной психологии, потому что в первом периоде не оказалось биграмм с частотностью употребления три и выше.

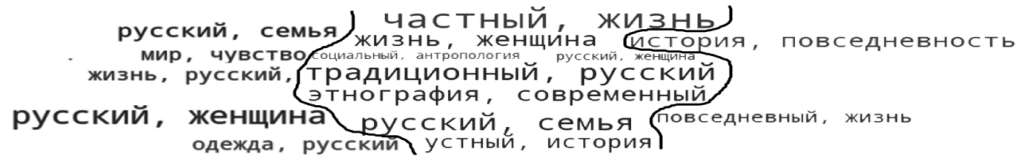

Рис. 5. Распределение биграмм предметного поля антропологии и этнографии

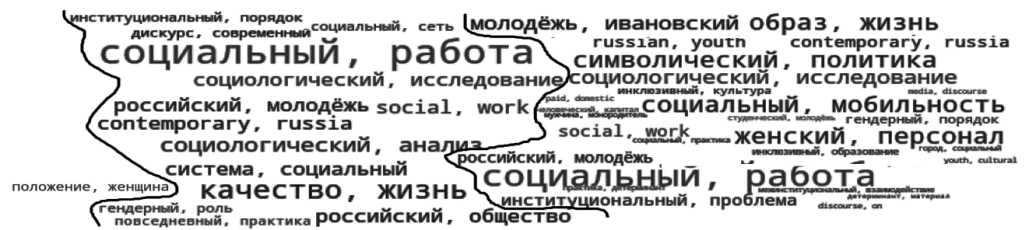

Рис. 6. Распределение биграмм предметного поля социологии

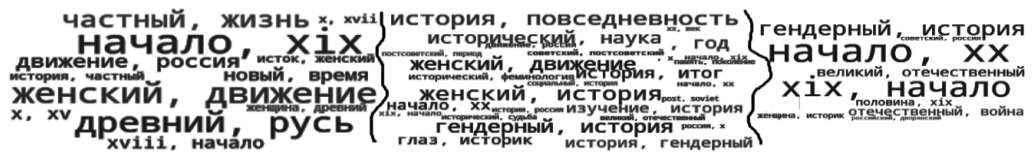

Рис. 7. Распределение биграмм предметной области истории

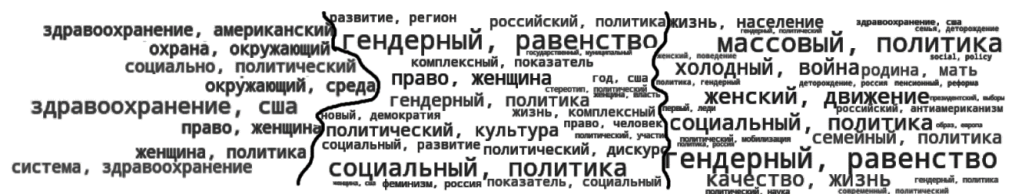

Рис. 8. Распределение биграмм предметного поля политологии

Рис. 9. Распределение биграмм предметного поля психологии

На втором этапе исследования проводился качественный анализ совокупности полученных биграмм. Для этого при помощи функции `venn3` библиотеки `matplotlib-venn` была построена диаграмма Эйлера (диаграмма пересечений словосочетаний трех выделенных исторических периодов) (рис. 10).

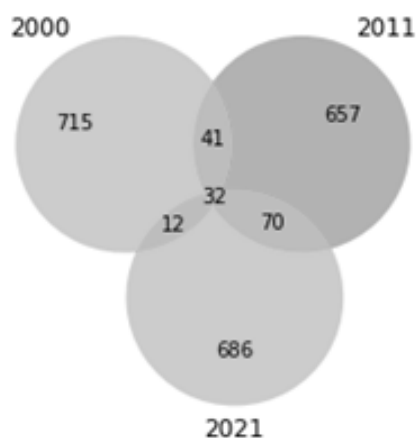

Рис. 10. Соотношение биграмм, используемых в названиях статей
трех периодов развития российских гендерных исследований

Первый вывод, который можно сделать, — ядро гендерных исследований (число общих биграмм для всех трех периодов) сравнительно невелико и составляет только 4 % (32 биграммы от массива из 800 в каждом периоде).

Второй вывод — развитие гендерных исследований идет нелинейно: только 12 биграмм первого периода потребовались в третьем периоде и 41 биграмма первого периода не перешла из второго периода в третий.

Третий вывод — темпы наращивания нового знания замедляются. В первом периоде только 30 биграмм встречались в названиях статей 3 и более раз, во втором периоде таких биграмм стало 143, в третьем — 180. Другими словами, если между первым и вторым периодом количество часто упоминаемых биграмм выросло в 4,8 раза, то между вторым и третьим — только в 1,3.

Далее были построены таблицы, характеризующие содержательное наполнение пересекающихся секторов диаграммы Эйлера.

Рассмотрение биграмм, которые являются общими для анализируемых периодов, показывает (табл. 1), что на протяжении всей истории гендерных исследований в России проводится анализ современности, тенденций, процессов и развития в XXI в. с акцентом на российских женщинах, также представлен анализ традиционных ролей женщины («мать», «ребенок»), присутствует тема места женщин в науке. Отметим, что эти исследования являются во многом женскими, поскольку слова «мужчина», «мужское» в данной таблице не встречаются совсем.

Таблица 1

**Биграммы, общие для всех трех периодов (центр диаграммы)
российских гендерных исследований**

Тематическая область	Биграммы
Методология гендерных исследований	Гендерный, подход; гендерный, исследование; гендерный, аспект; гендерный, фактор; гендерный, измерение; гендерный, проблематика
Социология	Социологический, исследование; социальный, работа
Политология	Социальный, политика; политический, жизнь; год, США; здравоохранение, США
История	Начало, XX; движение, Россия; XIX, начало
Психология	Социальный, психология; гендерный, отношение
Этнография/антропология	Частный, жизнь; русский, женщина; жизнь, женщина; российский, семья

Между первым и вторым этапом развития российских гендерных исследований общих биграмм 41, наибольшее число пересечений наблюдается в областях истории и политологии (табл. 2).

Таблица 2

**Биграммы, общие для первого и второго периодов
российских гендерных исследований**

Тематическая область	Биграммы
История	Женщина, XVIII; исторический, наука; история, Россия; подход, исторический; XVIII, начало; X, год; женский, история; исторический, судьба; женщина, древний; социальный, история; древний, Русь; начало, XIX; исторический, феминология
Психология	Гендерный, идентичность; подход, психологический; старший, дошкольный; становление, ребенок; аспект, социализация; интимный, жизнь; психология, гендерный
Политология	Политический, дискурс; проблема, развитие; право, человек; право, женщина; женщина, власть; выборы, гендерный; фактор, политический; охрана, здоровье; женщина, политика; политический, процесс
Социология	Motherhood, Russia; проблема, социальный; здоровье, мать
Методология гендерных исследований	Конструирование, гендер; метод, анализ; подход, система
Этнография/антропология	Русский, семья; невеста, жена; жена, любовница

В области истории пересекаются периоды исследования: X в., XVIII в., XIX в. — и соответственно сохраняется объект исследования — Древняя Русь, Россия. Сквозными являются биграммы социальной истории, женской истории,

исторической феминологии. Продолжается встраивание в академический мейнстрим через использование биграмм «исторический, наука», «исторический, подход».

В политологии продолжается изучение тем выборов, прав человека женщин, участия женщин во власти. Встраивание в мейнстрим происходит через биграммы «политический, процесс», «право, человек», «проблема, развитие».

В психологии общими для двух периодов являются два специальных понятия «гендерная психология» и «гендерная идентичность». При этом используются характерные для всей психологии понятия — «социализация», «психологический подход», «возраст» (дошкольный, старший), «ребенок» (становление). Другими словами, общей для двух периодов в психологии является тема становления личности и гендерной идентичности, особенно в детском возрасте.

Для антропологии (этнографии) сквозной остается тема семьи («русская») и роли женщин в ней («невеста», «жена», «любовница»).

Для социологии общими выступают проблемы материнства, в том числе здоровье матери. В области методологии сохраняется акцент на конструировании гендера и системном подходе.

Пересечений первого и третьего периодов гораздо меньше — всего 12.

Таблица 3

**Биграммы, общие для первого и третьего периодов
русских гендерных исследований**

Тематическая область	Биграммы
Методология гендерных исследований	Современный, исследование; мужчина, женщина; подход, анализ
Политология	Российский, политический; президентский, выборы
Психология	Личностный, становление; жизненный, стратегия; дошкольный, возраст; ценностный, ориентация
История	XIX, век

При этом в истории сохраняется интерес к XIX веку; в психологии — к исследованию проблем личностного становления, дошкольного возраста, ценностных ориентаций и жизненных стратегий. В политологии пересечения зафиксированы по темам президентских выборов и российского политического порядка. Отметим, что пересечений биграмм первого и третьего периода не обнаружилось в полях антропологии и социологии. В области методологии в обоих периодах используются биграммы «мужчина, женщина», «анализ, подход», «современный, исследование». Одновременно в пересекающемся секторе первого и третьего периодов отсутствуют гендерно-окрашенные биграммы. Другими словами, общими выступают мейнстримные области, а не гендерная тематика. Это совпадает с утверждением Э. Ю. Россман о размывании предметного поля русских гендерных исследований.

Наибольшее число пересечений биграмм в названиях статей (70) зафиксировано между вторым и третьим периодами российских гендерных исследований. Хотя в разных тематических областях данные пересечения представлены в разных объемах (табл. 4). Это свидетельствует о различном уровне разнообразия и интенсивности производимого научного знания.

Таблица 4

**Биграммы, общие для второго и третьего периодов
российских гендерных исследований**

Тематическая область	Биграммы
Методология гендерных исследований	Женский, гендерный; проблема, гендерный; вопрос, гендерный; контекст, гендерный; мужской, женский; женский, мужской; гендерный, дискурс
История	Великий, отечественный; отечественный, война; начало, XX; зарубежный, историография; гендерный, история
Психология	Социализация, ребенок; ребенок, ЗПР; социально, психологический; младший, школьный; школьный, возраст; процесс, личностный; психологический, исследование; гендерный, компетентность
Социология	Гендерный, порядок; роль, гендерный; молодежь, начало; российский, молодежь; рынок, труд; система, социальный; социологический, анализ; материал, социологический; social, work; социальный, защита; социальный, пространство
Этнография/антропология	Повседневный, жизнь; история, повседневность
Политология	Гендерный, политика; власть, современный; российский, политика; семейный, политика; политика, современный; гендерный, политический; политический, культура; промежуточный, выборы; гендерный, равенство; государственный, политика; женщина, США; развитие, регион; символический, политика; качество, жизнь; гендерный, разрыв; гендерный, равноправие; гендерный, субъектность

Как показывают данные таблицы 4, в эти годы явно заметен спад гендерных исследований в областях истории и антропологии. Для антропологии общими оказались универсальные (мейнстримные) биграммы «повседневный, жизнь» и «история, повседневность», которые не имеют прямых гендерных коннотаций, очевидных для читателя, хотя специалистам связь женской истории и истории повседневности понятна. Единственная общая гендерная биграмма — «гендерный, история». Есть две биграммы явно на злобу дня (учитывая празднование юбилея Великой Победы) — «великий, отечественный» и «отечественный, война». Это подтверждает существование зафиксированной Э. Ю. Росман стратегии легитимации российских исследований женской истории, которую она назвала встраиванием в государственную повестку. Новой является биграмма «зарубежный, историография». В общем ядре и в области пересечения с первым периодом речь шла только об отечественных исторических исследованиях.

Интересно, что в таблице 4 ни в одном тематическом поле нет слов «мать» или «материнство». Слово «женщина» встречается в поле политологии, но с привязкой к США, а не к России. Можно предположить, что это скрытая (если не бессознательная) реакция на официальный дискурс пропаганды традиционных гендерных ролей и традиционных семейных ценностей.

Гендерные исследования в психологии и социологии имеют примерно одинаковый объем пересечений. Для гендерной психологии актуальной остается тема личностного развития, при этом появляется новая биграмма «ребенок, ЗПР» (задержка психического развития). Единственной гендерно-окрашенной биграммой среди 8 общих психологических выступает «гендерный, компетентность». Все остальные могут быть отнесены к мейнстриму.

В тематическом поле социологии из 11 биграмм гендерно-окрашенных только 2 — «гендерный, порядок» и «гендерный, роль», 2 биграммы относятся к теме социальной работы, 2 — к проблемам молодежи, 4 описывают исследовательский процесс и 1 связана с рынком труда. Отметим, что ни в психологии, ни в социологии в пересекающихся секторах нет темы материнства. Для психологии сквозной темой остается тема детства и становления личности, но нет пересекающихся биграмм второго и третьего периодов по теме родительства.

В гендерной политологии заметно больше биграмм со словом «гендер». Из 17 их 7 (40 %). Это можно расценивать как определенную зрелость гендерной политологии. С другой стороны, данный факт может быть следствием той самой стратегии легитимации через встраивание в государственную повестку России, потому что «гендерный разрыв», «гендерное равноправие», «гендерное равенство» — термины явно международной, а не сугубо национальной повестки. В связи с этим можно предположить, что особой заслугой в использовании данных терминов в названиях статей у российских политологов нет.

Дискуссия

Дискурс гендерных исследований обнаруживает свое развитие и изменчивость в динамике используемых в них категорий. Крайне важной представляется оценка содержания этой динамики. Мы можем выделить несколько значимых трендов.

Первый связан с тем, что женские исследования уступают по популярности гендерным в нулевые годы, но снова ее обретают в десятые.

Второй тренд связан с кристаллизацией вокруг предметных точек. Сначала, на втором этапе, данный процесс происходит вокруг дисциплинарных терминов, таких как «антропологический», «педагогический», «социологический», «психологический» и т. д. На третьем этапе дисциплинарные термины перестают быть точками кристаллизации. Она происходит вокруг общегуманитарных терминов («связь», «движение», «современный») и терминов, раскрывающих тематику семьи, родительства, здоровья и др.

При этом есть две категории, которые неизменно оказываются центрами агломерации на всех трех этапах: «гендер» и «Россия». Причем словосочетания со словом «гендер» увеличивают свое разнообразие на втором этапе, сохраняя (но не наращивая) его объем на третьем этапе.

Подобные трансформации во многом обусловлены давлением внешнего контура науки. Исследовательницы должны не только легитимировать сам термин «гендер» как научный, но и постоянно доказывать его нужность, востребованность для анализа именно российской действительности.

В особенных условиях проводимой политики рождаются и особые требования к научному дискурсу. Так, анализируя дискурс гендерных исследований в демографии, М. Rivkin-Fish отмечает, что «исследования российской демографической политики *должны* (в таких условиях. — М. К., С. Т.) уделять внимание как институциональным трансформациям, так и символическим уровням дискурса» [Rivkin-Fish, 2010: 705]. Как пишет G. Doğangün, речь идет о специфичном «неотрадиционном/неоконсервативном климате», который всеобъемлюще затрагивает сферы человеческой деятельности, в том числе производство научного знания [Doğangün, 2020]. Подчеркнем, что о специфичном климате автор заявляет в 2020 г., отмечая актуальность этой проблемы.

Отечественные исследовательницы Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина говорят о таком климате в своей работе 2000 г.: «(Описываемая авторами ситуация. — М. К., С. Т.) заключается в том, что гендерные и феминистские исследования рассматриваются как ориентированные на нежелательные изменения в сфере отношений между полами, и прежде всего на разрушение семьи» [Здравомыслова, Темкина, 2000: 22]. Таким образом, можно утверждать, что специфичный климат сопровождал отечественные гендерные исследования на протяжении всей их истории.

Полученные нами результаты коррелируют с выводами Э. Ю. Росман, которая отмечает «размывание в гендерной истории предметного поля в попытке уйти от политической повестки гендерного неравенства в более нейтральные темы, например женского образования, в силу роста консервативных настроений в политической элите» [Rossman, 2021: 423].

В то же время тезис Э. Ю. Росман о том, что российским социологам было легче заниматься гендерными исследованиями, чем представителям других дисциплин, не нашел подтверждения нашими данными. Она пишет: «Российская социология оказалась дисциплиной, наиболее восприимчивой к новым теориям и методам. Исследователи и студенты — социологи, интересующиеся гендерными исследованиями, находятся в лучшем положении, чем ученые, студенты и выпускники других дисциплин. В то же время сама социология занимает большие площади дискурсивного поля в российской гендерной науке» [ibid.: 417].

Однако анализ биграмм, используемых в названиях статей российских гендерных социологов, показывает, что социология очень часто уходила в сторону социальной работы и социальной защиты. Такое положение не следует считать экспансией в другие научные области, поскольку это переход в область практико-ориентированных исследований. Сам набор биграмм гендерной социологии был достаточно скуден, особенно на первых этапах ее развития (см. табл. 2). Социология заметно проигрывает политологии и психологии в содержательном описании своего предметного поля. Данный вывод подтверждается и word-clouds, которые приводились выше. Этот факт нельзя объяснить особенностями выборки авторов статей, вошедших в исследование, потому что социологов в ней больше, чем психологов, и примерно столько же, сколько политологов.

Анализируя полученные данные, необходимо принять во внимание ряд серьезных *ограничений исследования*. В первую очередь они связаны с характером и способом формирования выборочной совокупности авторов статей. В качестве значимых проектов из гендерных исследований могли быть выбраны совсем другие, например международные или те, которые получили наибольший общественный резонанс, тогда выборка авторов стала бы немного другой. Все выбранные авторы — женщины, хотя авторами некоторых статей в «Гендере для чайников» были и мужчины. В выборку не включены молодые авторы, начавшие свою научную карьеру после 2000 г.

Вторым ограничением выступает использованная методология. Наука была редуцирована до произведенных в ее рамках текстов статей, а статьи — до заголовков. Тем самым никак не реконструировалась практика написания научных текстов и не анализировалось их содержание. Сам анализ массива эмпирических данных производился методами анализа естественного языка, были получены только агрегированные данные об эмпирическом материале, что всегда сопряжено с утратой деталей и полноты картины, существовавшей до агрегации.

Кроме того, метод анализа биграмм позволяет учитывать лишь очень локальный контекст — анализировать два слова, стоящие рядом. Исследовать, как связано какое-то слово со словом, стоящим через одно от него, оказывается очень сложной задачей, не говоря уже об анализе того, как связаны, например, первое и последнее слово в предложении.

Третье ограничение — выделение периодов в развитии гендерных исследований не на основе количества и качества исследований и уровня их институционализации, а исходя из развития их внешнего контура, т. е. политической истории России. Обоснование необходимости такого подхода к анализу динамики российского социогуманитарного научного знания представлено в нашей более ранней работе [Кашина, Ткач, 2021].

Учитывая указанные ограничения, можно сказать, что наше исследование является поисковым — выявляет только самые общие тенденции в изучаемом объекте. Тем не менее оно позволяет поставить конкретные исследовательские вопросы для дальнейшего изучения.

Заключение

Понятно, что все зафиксированные факты и тенденции в динамике дискурса предметных полей российских гендерных исследований нельзя объяснить только давлением на ученых внешнего контура науки — государственной политикой, политикой грантодателей, возможностями публикации результатов, интеллектуальной атмосферой, царящей в обществе, и т. п. Давление со стороны внешнего контура может побудить исследовательниц к отказу от неоднозначных, политически опасных тем, может заставить табуировать определенные термины собственного дискурса и обращаться к их эквивалентам из государственного дискурса, как это мы наблюдаем в случае с демографией. Однако такое давление слабо объясняет динамику развития собственного исследовательского дискурса и ту малую изменчивость, которую этот дискурс демонстрирует в последние два десятилетия. Напомним, что простот частотных биграмм упал

почти в 5 раз, а количество гендерно-окрашенных биграмм в пересекающихся секторах заметно сократилось.

По логике, в которой понимается развитие науки в нашем исследовании, в сравнительно близком будущем стоит ожидать трансформации и изменения ядерной (центральной) категории гендерных исследований, а именно переосмысления самой категории «гендер», возможно даже ее замены какой-либо другой. Обращаясь к истории родственных для гендерных исследований наук об обществе, мы могли бы обнаружить создание учеными абсолютно новых терминов, которые позволяют им лучше описывать предмет и теоретическую рамку своего исследования. Такое изменение категориального аппарата происходит как реакция на общественные изменения: все более стремительно трансформирующееся общество требует от науки новых языков описания. То же справедливо для «гендера» и тех явлений в обществе, которые он характеризует. Например, хорошо известны трудности, с которыми сталкивается гендерная теория при описании ксеногендерности или интерсекционального феминистского политического движения, в котором «гендер» оказывается категорией одного рода с расой, национальностью, классом и т. д.

В настоящее время базовые научные категории отечественных и зарубежных гендерных исследований демонстрируют консерватизм, который, возможно, имеет под собой причины, лежащие во внутреннем контуре гендерных исследований, и свидетельствуют о том, что это «нормальный» период развития данной области научного знания. В таком случае можно заняться поиском аномалий, случаев, которые не вписываются в существующую парадигму, выступая предвестниками «экстраординарного» этапа развития гендерных исследований. Это и станет одним из направлений наших дальнейших научных поисков.

Список источников

- Абелинскайте В. Э.* Влияние политической элиты на трансформации государственных институтов современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2016. 227 с.
- Айвазова С. Г.* Гендерные исследования современных политических процессов в России // *Женщина в российском обществе*. 2002. № 2—3. С. 24—32.
- Безансон А.* Интеллектуальные истоки ленинизма = *Les Origines intellectuelles du léninisme*. М.: МИК, 1998. 304 с.
- Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики: пер. с фр. / отв. ред. пер., сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
- Введение в гендерные исследования. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 1: Учебное пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. 708 с.; Ч. 2: Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. 991 с.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // *Социологические исследования*. 2000. № 11. С. 15—23.
- Кашина М. А., Ткач С.* Методологическое разнообразие в российской социологии: анализ исследований ценностей // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2021. Т. 14, № 2. С. 107—123.

- Клецина И. С. Современное состояние и перспективы исследований гендерных отношений в сфере социологического и психологического знания // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 2. С. 3—13.
- Котлова Т. Б., Рябова Т. Б. Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов // *Женщина в российском обществе*. 2001. № 3—4. С. 25—38.
- Попович М. В. О философском анализе языка науки. Киев: Наук. думка, 1966. 224 с.
- Пушкарева Н. Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2002. № 2—3. С. 32—37.
- Рябова Т. Б., Овчарова О. Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1. С. 3—23.
- Система обеспечения законодательной деятельности // Государственная дума РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/284965-3> (дата обращения: 22.02.2022).
- Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования: хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб: Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 405—437.
- Хасбулатова О. А. Гендерным исследованиям в системе высшего образования России — десять лет // *Женщина в российском обществе*. 2001. № 1—2. С. 2—14.
- Хоткина З. А. Российским гендерным исследованиям 30 лет: ретроспектива и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 2. С. 26—37.
- Штылева Л. В. Интерпретация гендерного подхода в российской педагогике 10-х гг. XXI в. // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 3. С. 87—92.
- Burnell P. From evaluating democracy assistance to appraising democracy promotion // *Political Studies*. 2008. № 56. P. 414—434.
- Doğangün G. Gender climate in authoritarian politics: a comparative study of Russia and Turkey // *Politics and Gender*. 2020. Vol. 16, № 1. P. 258—284.
- Foucault M. *Archaeology of Knowledge*. London; New York: Routledge, 2002. 254 p.
- Guriev S., Zhuravskaya E. Why Russia is not South Korea // *Journal of International Affairs*. 2010. Vol. 62, № 2. P. 125—139.
- Rivkin-Fish M. Pronatalism, gender politics, and the renewal of family support in Russia: toward a feminist anthropology of «maternity capital» // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69, № 3. P. 701—724.
- Rossmann E. From socialism to social media: women's and gender history in Post-Soviet Russia // *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. 2021. Vol. 44, № 4. P. 414—432.
- The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method / ed. by R. Rorty. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1967. 348 p.

References

- Abelinskaite, V. Ē. (2016) *Vliianie politicheskoi elity na transformatsii gosudarstvennykh institutov sovremennoi Rossii*: Dis. ... kand. polit. nauk [The influence of the political elite on the transformation of state institutions in modern Russia: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Aivazova, S. G. (2002) *Gendernye issledovaniia sovremennykh politicheskikh protsessov v Rossii* [Gender studies of modern political processes in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2—3, pp. 24—32.
- Bezanson, A. (1998) *Intellektual'nye istoki leninizma = Les Origines intellectuelles du leninisme* [Intellectual origins of Leninism], Moscow: MIK.
- Burd'ë, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polia i praktiki* [Social space: fields and practices], Moscow: Institut èksperimental'noi sotsiologii, St. Petersburg: Aleteia.

- Burnell, P. (2008) From evaluating democracy assistance to appraising democracy promotion, *Political Studies*, no. 56, pp. 414—434.
- Doğangün, G. (2020) Gender climate in authoritarian politics: a comparative study of Russia and Turkey, *Politics and Gender*, vol. 16, no. 1, pp. 258—284.
- Foucault, M. (2002) *Archaeology of Knowledge*, London, New York: Routledge.
- Guriev, S., Zhuravskaya, E. (2010) Why Russia is not South Korea, *Journal of International Affairs*, vol. 62, no. 2, pp. 125—139.
- Kashina, M. A., Tkach, S. (2021) Metodologicheskoe raznoobrazie v rossiiskoi sotsiologii: analiz issledovaniĭ tsennostiĭ [Methodological diversity in Russian sociology: analysis of value studies], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologĭia*, vol. 14, no. 2, pp. 107—123.
- Khasbulatova, O. A. (2001) Gendernym issledovaniĭam v sisteme vysshego obrazovaniĭa Rossii — desiāt' let [Gender studies in the Russian higher education system — ten years], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1—2, pp. 2—14.
- Khotkina, Z. A. (2020) Rossiiskim gendernym issledovaniĭam 30 let: retrospektiva i perspektivy [Russian gender studies 30 years: a retrospective and prospects], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 26—37.
- Kletsina, I. S. (2013) Sovremennoe sostoianie i perspektivy issledovaniĭ gendernykh otnosheniĭ v sfere sotsiologicheskogo i psikhologicheskogo znaniĭa [The current state and prospects of gender relations research in the field of sociological and psychological knowledge], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—13.
- Kotlova, T. B., Riabova, T. B. (2001) Bibliograficheskiĭ obzor issledovaniĭ po problemam gendernykh stereotipov [Bibliographic review of research on gender stereotypes], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 25—38.
- Popovich, M. V. (1966) *O filosofskom analize iazyka nauki* [On the philosophical analysis of the language of science], Kyiv: Naukova dumka.
- Pushkareva, N. L. (2002) Istoricheskaia feminologĭia, zhenskaia i gendernaia istoriia: itogi i perspektivy [Historical feminology, women's and gender history: results and prospects], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2—3, pp. 32—37.
- Riabova, T. B., Ovcharova, O. G. (2016) Gendernaia politologĭia v Rossii: dostizheniĭa, problemy i perspektivy [Gender political science in Russia: achievements, problems and prospects], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—23.
- Rivkin-Fish, M. (2010) Pronatalism, gender politics, and the renewal of family support in Russia: toward a feminist anthropology of “maternity capital”, *Slavic Review*, vol. 69, no. 3, pp. 701—724.
- Rorty, R. (ed.) (1967) *The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method*, Chicago, London: The University of Chicago Press.
- Rossmann, E. (2021) From socialism to social media: women's and gender history in Post-Soviet Russia, *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*, vol. 44, no. 4, pp. 414—432.
- Shtyleva, L. V. (2014) Interpretatsiia gendernogo podkhoda v rossiiskoi pedagogike 10-kh gg. XXI v. [Interpretation of the gender approach in Russian pedagogy of the 10s of the XXI century], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 87—92.
- Sistema obespecheniĭa zakonodatel'noi deiatel'nosti [The system of ensuring the legislative activity], *Gosudarstvennaia дума Rossiiskoi Federatsii*, available from <https://sozd.duma.gov.ru/bill/284965-3> (accessed 22.02.2022).
- Skott, Dzh. (2001) Gender: poleznaia kategoriia istoricheskogo analiza [Gender: a useful category of historical analysis], in: Zherebkin, S. V. (ed.), *Vvedenie v gendernye issledovaniia*, pt. 2: Khrestomatiia, Kharkiv: Khar'kovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ, St. Petersburg: Aleteĭia, pp. 405—437.

-
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2000) Sotsiologiya gendernykh otnosheniĭ i gendernyĭ podkhod v sotsiologii [Sociology of gender relations and gender approach in sociology], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 15—24.
- Zherebkina, I. A. (ed.) (2001) *Vvedenie v gendernye issledovaniia* [Introduction to gender studies], pt. 1: Uchebnoe posobie, Kharkiv: Khar'kovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ, St. Petersburg: Aleteĭia.
- Zherebkin, S. V. (ed.) (2001) *Vvedenie v gendernye issledovaniia* [Introduction to gender studies], pt. 2: Khrestomatiia, Kharkiv: Khar'kovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ, St. Petersburg: Aleteĭia.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 19.05.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 19.05.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Кашина Марина Александровна — доктор политических наук, профессор кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Россия, kashina-ma@ranepa.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor at the Department of Social Technologies, North-Western Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation).

Ткач Сергей — менеджер проектов, Региональная общественная организация социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит», г. Санкт-Петербург, Россия; аспирант кафедры экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, sch14tlt@gmail.com (Project Manager, Regional public organization of social projects in the field of public welfare “Stellit”, St. Petersburg, Russian Federation; Post-graduate student at the Department of Economic Sociology, St. Petersburg, Russian Federation).